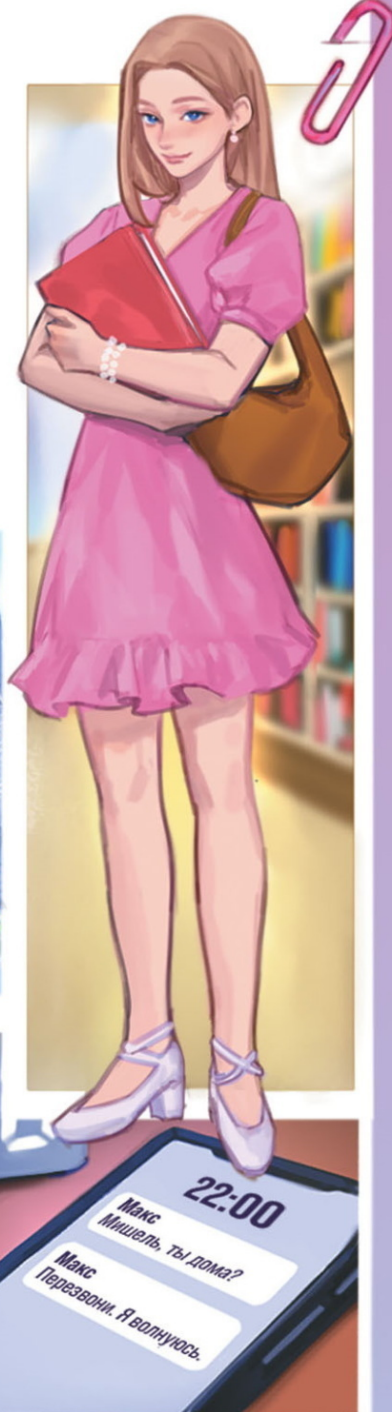

*Она бунтовала против
его правил. Он — против
своих чувств.*

ФОРЧЕКВИНГ

КАМИЛА
СОКОЛОВА

22:00
Макс
Мишель, ты дома?
Макс
Презвони. Я волнуюсь.

Young Adult. Любовь на каждой
странице. Молодежная романтика

Камила Соколова

Форчекинг

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соколова К.

Форчекинг / К. Соколова — «Эксмо», 2025 — (Young Adult.
Любовь на каждой странице. Молодежная романтика)

ISBN 978-5-04-230748-5

Макс Мой лучший друг Роберт получил контракт в иностранной хоккейной команде, и я рад за него, ведь это было нашей мечтой с самого детства. Но в отсутствие Роберта нужно присматривать за его младшей сестрой. Что ж, установлю одно простое правило: каждый вечер в десять Мишель должна сообщать, что вернулась домой. А еще она должна пообещать, что не приблизится к Тимуру, в которого влюблена с детства. Почему? Да потому что, если Тимур ответит ей взаимностью, наша дружба будет разрушена... Мишель Роберт уезжает, и я остаюсь в Москве одна. Наконец-то я покажу Тимуру, лучшему другу брата, как он мне нравится, и мои мечты о нем станут явью. Правда, Макс со своей заботой не облегчает мне задачу. Но я устрою бунт! Он еще пожалеет, что взял на себя эту ответственность...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230748-5

© Соколова К., 2025
© Эксмо, 2025

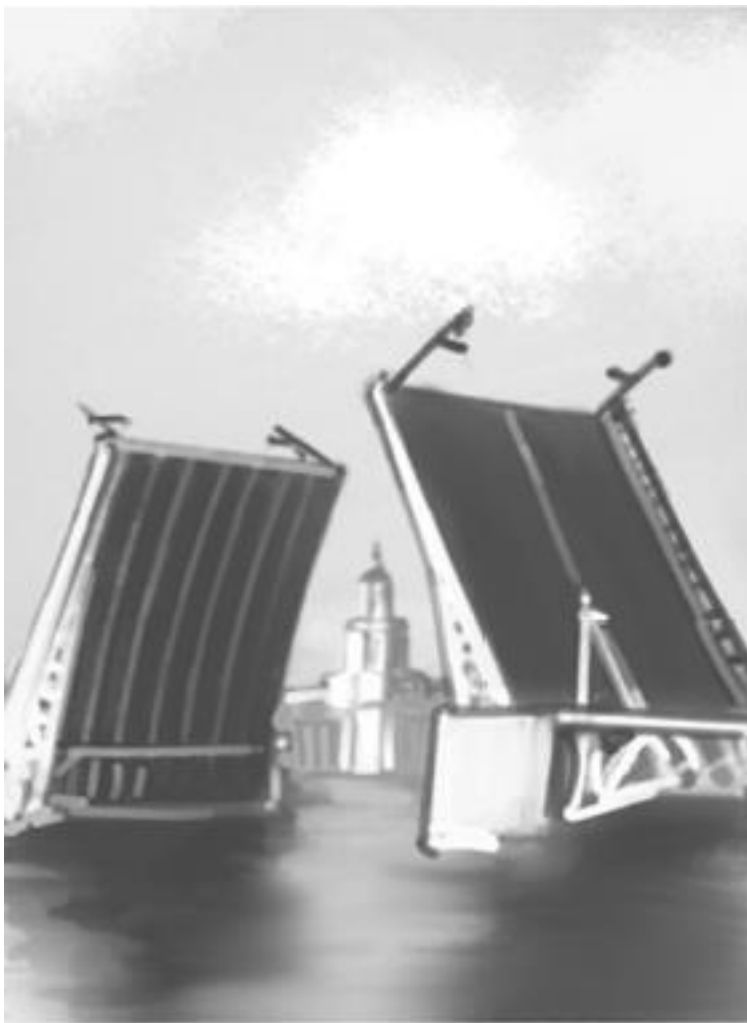
Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Камила Соколова

Форчекинг

*Посвящается моему мужу,
который развешивал «изысканно» пахнущую хоккейную форму
шесть раз в неделю на протяжении пятнадцати лет на нашем балконе...
Это ли не доказательство, что настоящая любовь может вынести все!*

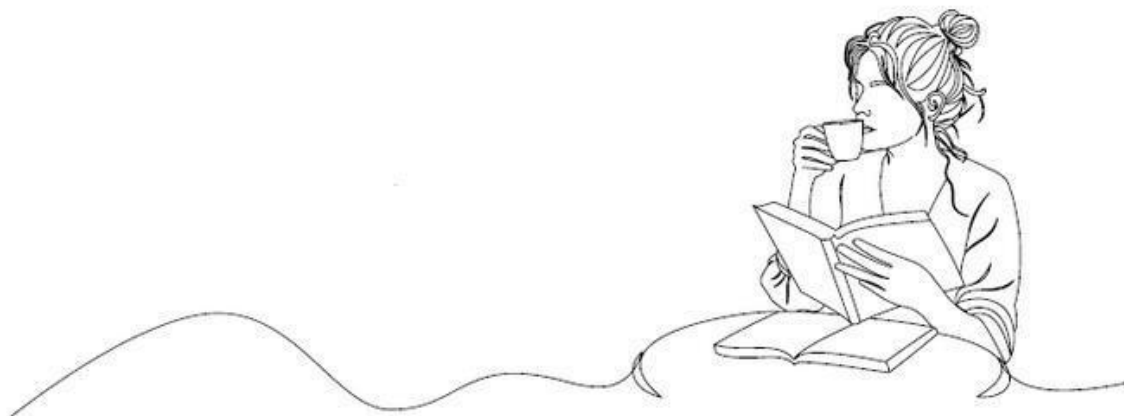
Серия «Young Adult. Любовь на каждой странице. Молодежная романтика»

Freedom

© Камила Соколова, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

– Уже через две недели? Seriously? – Слезы подступили к горлу, а голос почти сел.

Роберт провел рукой по русым волосам, взъерошив их:

– Ты ведь не собираешься разреваться?

– Из-за твоего отъезда? Еще чего. И не надейся, – процедила я. – Это будет лучший год в моей жизни. Просто незабываемый.

– Миша... – Голос Роберта стал строгим и предостерегающим. Ну просто мама и папа в одном лице.

– Ой, ну прекрати. – Я закатила глаза. – На меня не действует твой назидательный тон, можешь не стараться. – Я развернулась, достала из шкафа чистую чашку. Плеснув воды, покрутила ее в руках и отставила в сторону. – И терпеть не могу, когда ты вот так зовешь меня – Мишей.

– Если хочешь, я могу звать тебя Колей, – предложил Роберт и рассмеялся.

Очень остроумно.

– Можешь звать меня Мишель, так, как в паспорте, или прекратить проповедь, – пробурчала я, проклиная себя, что снова попала на его удочку. – Можно мне поехать с тобой?

– Конечно, – Роберт откинулся на спинку стула и заложил руки за голову, – бросишь университет и будешь жить в одной комнате со мной и еще двумя парнями.

Я поморщилась.

– Давай снимем отдельную квартиру, а в университете возьму академ. Твой контракт всего на год.

– Давай, – опять согласился Роберт, – я всю жизнь мечтал играть в профессиональный хоккей. Столько сделал, чтобы попасть в Германию, и теперь вместо того, чтобы сфокусироваться на игре, буду нянчиться с тобой. Отличная идея, Миш.

Я снова взяла кружку и сделала глоток.

– Знаешь, я могу быть сама по себе, заниматься своими делами.

– У тебя и в Москве дел полно. Не заметишь, как год пролетит. А мне нужно доказать, что я чего-то стою.

Я прищурилась и сделала вид, что оцениваю Роберта.

– Ну, парень ты симпатичный, обаятельный, высокий, мускулистый... – Я сделала паузу. – Но надо бы еще уметь играть. Так что особо не обольщайся.

– Ты сейчас получишь у меня! – шутливо воскликнул Роберт. – Это я-то не умею? – Он оглянулся в поисках предмета, который можно было бросить в меня.

– На кухне все слишком хрупкое, – смеясь, предупредила я его. – Не вздумай.
– А ты не болтай глупостей, – обиженно проворчал он.
– Ладно, уговорил. Ты замечательный хоккеист. – Я сделала шаг в его сторону и потрепала по голове. – Вредный только.

Он хмыкнул.

– Вообще-то я хотел бы стать самым полезным игроком.

Я изобразила задумчивый вид и побарабанила пальцами по подбородку.

– Хочешь стать самым успешным по показателям полезности? Что у тебя в гороскопе на этот год? – Я сделала вид, что читаю статью в телефоне. – Сатурн в десятом доме, – таинственным голосом произнесла я, – говорит о том, что ты со всем справишься.

– И ты здесь справишься, – сказал Роберт. – Хотя я буду страшно волноваться за тебя.

Я внимательно взглянула на брата: его поза была расслабленной, на губах играла улыбка, но в голубых глазах застыла тревога, под глазами залегли заметные тени и отчетливо виднелись при дневном свете новые морщинки, которые появились совсем недавно. Я вздохнула. Нам нужно учиться жить заново. Быть самостоятельными и взрослыми. И самое время начать.

– Мне восемнадцать. Ты будешь далеко, мне придется научиться нести ответственность за себя, – моя рука накрыла его, – но ты не волнуйся.

Он вздохнул и улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

– Ладно, поговорим о твоей ответственности вечером, а сейчас мне нужно съездить в магазин. Есть пожелания?

– С чего ты такой заботливый? – Я с подозрением на него посмотрела. Он встал, направился к холодильнику и стал внимательно изучать содержимое.

– Вечером зайдут ребята из команды. Устроим прощальную вечеринку. – Он гремел крышками кастрюль и шелестел бумагой, разворачивая упакованную нарезку сыра. – Что купить-то?

– Как обычно: закуски, овощи, фрукты. Сейчас пришлю тебе список, – сказала я, а сама прокручивала в голове, куда бы сбежать. Я не люблю такие вечеринки. Прощаться – это грустно и интимно. А обо всем, что будет происходить сегодня вечером, я знала заранее: придет куча народа, Роберт включит свой рэперский плейлист, а когда градус веселья поползет вверх, его товарищи будут сыпать идиотскими напутствиями.

Да уж. Может, в кино? Что там сегодня идет?

– Давай список. – Он задумчиво посмотрел на меня и достал телефон. – По пути надо еще кое-куда заскочить. – Поравнявшись с выходом, Роберт бросил: – На вечер ничего не планируй. Ты нужна мне здесь.

Я скрестила руки на груди. Вот еще!

– Прости, но у меня свои планы.

Роберт обернулся, нахмурился:

– Миш, давай без твоих девчачьих штук. У меня голова гудит от того, сколько нужно сделать. – Он потер затылок. – Мне нужна будет помощь вечером.

– Точно. – Я картинно постучала себя по лбу. – Я забыла: если мои желания не совпадают с твоими, то они переходят в статус «девчачьи штучки». А еще – что я у тебя в рабстве и должна прислуживать твоим друзьям на вечеринках.

Роберт взмахнул рукой, словно пытаясь остановить меня.

– Не хотел говорить заранее, но, может, эта новость заставит тебя передумать. – В его глазах блеснула хитрая искорка. – Макс и Тимур заглянут сегодня.

Я моргнула, осознавая услышанное. Макс и Тимур будут сегодня у меня дома. От одной мысли жар уже бежал по моим щекам, и каждым ребром я чувствовала гулкие удары сердца.

– Они в Москве? Вернулись? – прохрипела я. Черт, мне хотелось, чтобы мой голос звучал нормально, но, похоже, не вышло, потому что на губах Роберта заиграла улыбка.

- Классная новость, правда?
- Я кивнула.
- И текущий сезон они играют здесь.
- Понятно... – протянула я, стараясь не показать, как жажду знать все подробности.
- Так что прими правильное решение по поводу прощальной вечеринки. – Брат выскользнул за дверь, оставив меня с гудящими от напряжения нервами.
- Тогда я, пожалуй, останусь, – прошептала я.

Наши родители были необычными людьми. Я использую прошедшее время, потому что они умерли. Погибли в автомобильной катастрофе полгода назад. Мы с Робертом остались вдвоем. Мне едва исполнилось восемнадцать, когда случилась трагедия. В один прекрасный день для нас наступила взрослая жизнь, полная обязательств. Роберт старше меня на три года, поэтому он решил, что должен заботиться обо мне, иногда эта забота чрезмерна и душит. С тех пор он разрывается между своим будущим и моим настоящим и не может понять, что я вполне способна взять свою жизнь в собственные руки.

С братом у нас всегда была дружеская связь, теперь она окрепла и превратилась в толстый канат, державший нас на плаву последние месяцы. Конечно, мы общались с родственниками и друзьями родителей, но вдвоем было гораздо легче. Наверное, так мы справлялись с горем – спрятавшись в свой собственный уютный пузырь. Мы притворялись, что жизнь идет своим чередом, и никогда не говорили о случившемся. Только по ночам страхи всплывали наружу. Я просыпалась от кошмаров, а Роберт мучился бессонницей, меряя шагами комнату.

Еще я использую слово «необычные», когда говорю о родителях, потому что они отличались от мам и пап наших друзей и приятелей. Например, они дали нам абсолютно идиотские имена. Я могу ошибаться, у меня пока нет своих детей, но, кажется, имя – довольно серьезная штука. В него вкладывают смысл, силу или сакральность, чтобы задать вектор жизни ребенку. Ладно, если не так пафосно, то можно просто выбрать по принципу «нравится или не нравится». Возможно, такой подход близок многим.

Но с нами не сработал ни один из вариантов. Мы гордо носим имена хоккеистов, повстречавшихся родителям на одном из матчей во время медового месяца. Странствие на колесах по американским дорогам было их мечтой. Наверное, в детстве пересмотрели вестернов. Вот почему вместо свадебного торжества они купили билеты «Москва – Нью-Йорк», взяли машину напрокат и в течение двух месяцев колесили по стране.

Помимо фильмов про ковбоев и индейцев у них была еще одна страсть – хоккей. Папе с детства нравился этот вид спорта. Он вспоминал, как они с друзьями во дворе гоняли шайбу, бились за победу до соплей и сорванного горла и как он был тогда счастлив. Мама тоже была яркой болельщицей – свое сердце она навсегда отдала «Спартак», но зрелищность матчей Национальной хоккейной лиги заставляла ее не спать по ночам и следить за играми. И когда на горизонте замаячил свадебный тур, они немедленно включили в расписание несколько матчей, чтобы увидеть знаменитые противостояния своими глазами.

Наши молодые родители носились от стадиона к стадиону, специально планируя свой маршрут под самые зрелищные игры, покупали безделушки в фанатских магазинах, четыре раза посетили Зал хоккейной славы и один раз выиграли в лотерее свитер команды *«Койоты из Финикса»*.

Возможно, с ними случилось еще что-то, чего мы не знаем. Может, папе попали шайбой по голове или мама поскользнулась на льду в хоккейном экстазе, но в Москву они вернулись с твердым убеждением вырастить чемпионов.

Когда родился мой брат, ему досталось имя Роба Блейка – канадского хоккеиста и члена тройного золотого клуба. Меня называли в честь Мишеля Гуле, хоккеиста с рейтингом тридцать два в истории НХЛ по голам. В детстве мы сто раз слышали историю о том, как родители

столкнулись с этими двумя в коридоре на одном из матчей. Хорошо воспитанный мистер Гуле сказал моей маме легендарное «извините» и вежливо уступил дорогу.

Вот так столь значимое событие повлияло на наши с Робертом судьбы. Но я не жалею, честно. Я благодарна судьбе, что предки не встретили Уэйна Гретцки или Ги Лефлера, а то я не знаю, как бы мы выживали в обычной московской школе с такими именами и нашей фамилией Мороз.

Мишель, в общем-то, красивое имя, с французским флером, но с первого дня меня стали звать просто Мишей или, еще хуже, Мишей-малышей. Наверное, я даже приходила от этого в восторг, пока ползала в подгузниках и моим главным достижением в жизни были башни из кубиков.

В школе я возненавидела сокращенную форму своего имени, а про вариант с присказкой и говорить нечего. Меня возмущало, когда родители обращались ко мне «Миша-малыша» в общественных местах. Я изображала глухоту и отворачивалась. Роберт быстро смекнул, что это отличное пространство для издевок, и чем больше я сопротивлялась, тем чаще он этим пользовался.

Хотя Роберт – хороший брат. У меня был миллион возможностей в этом убедиться, хотя бы на наших тренировках, потому что – сюрприз-сюрприз! – нас обоих записали в хоккейную секцию в четыре года.

Надо ли говорить, что Роберт влюбился в хоккей с первого дня, когда встал на коньки? Я тайне подозреваю, что он был зачат на хоккейном матче под звуки скандирующих трибун болельщиков. И теперь его кровь поет от звуков ликующей толпы. Конечно, брат мечтал стать первоклассным хоккеистом, для чего тренировался с утра до вечера, удивляя всех своим упорством. В десять лет его взяли в спортшколу «Викинг», и будущее Роберта было окончательно предопределено.

Я тоже росла под тяжестью шести страшных букв Х-О-К-К-Е-Й на плечах и баула с хоккейной формой в руках, потому что, по мнению нашего отца, каждый хоккеист должен сам носить свою амуницию. По выходным мы увлекательно проводили время на индивидуальных подкатках, где мне от тренеров особенно доставалось. Все время я делала что-то не так: то посадка высоковата, то скорость низковата. Роберт объяснял мне после занятий, как нужно выполнять упражнения, я старалась их повторить и угнаться за братом, но куда мне было с ним тягаться...

Однако папа был невероятно воодушевлен мыслью, что сможет внести свой вклад в развитие женского хоккея, который только становился популярным. Его вкладом – здесь все просто – должна была стать я.

Какое-то время я была с ним на одной волне и даже думала о том, как здорово будет играть в профессиональный хоккей, где-то в глубине моего сознания разноцветными фонарями зажигались олимпийские кольца и шею ломило от тяжести призрачной золотой медали. Пока в седьмом классе я не взбунтовалась.

Причиной бунта послужил школьный кружок по анатомии и физиологии человека, в который я записалась из-за подружки Миры. Я обожала рассматривать мозг, кости и сердце. Понятно, что на макетах, но я все время представляла, что они настоящие. Кровеносная и нервная системы завораживали меня своей безупречностью. А еще я без усилия запоминала факты, которыми сыпал наш преподаватель, типа «ногти на руках растут быстрее, чем на ногах», и смогла легко выиграть школьную олимпиаду. Это сделало меня звездой нашего класса.

Я узнавала столько интересного, что хотела заниматься этим все свободное время, правда, как раз именно времени у меня и не было. Зато у меня были общие тренировки, подкатки в малой группе, индивидуальные тренировки, общая физическая подготовка, бросковые, а когда у нас случайным образом не было тренировок, мы с Робертом пасовали друг другу

шайбы дома. Я защищалась с тоскливой обреченностью, пока Роберт нападал с агрессивной увлеченностью, и думала о том, как ненавижу хоккей.

Прекрасно помню момент, когда решила, что с меня хватит. В ту субботу проводился отборочный этап городской олимпиады по биологии «Человек и здоровье». Я готовилась к нему несколько месяцев и, не вылезая из лаборатории, писала исследовательскую работу.

Но оказалось, что родители сделали выбор за меня: отменили мою заявку на участие в олимпиаде, а вместо этого отправили на очередной матч. Узнала я об этом лишь когда собиралась выходить из дома.

Скандал был жуткий.

Меня уговаривали, подкупали, угрожали и снова уговаривали. Но я была непреклонна.

Родители упрямылись и считали, что я разрушаю собственную жизнь и карьеру и что меня ждет голодное подзаборное будущее.

Я же объясняла отцу, что они просто боятся перемен, а это естественная реакция мозга на неизвестность. Да, теперь у них нет четкого плана и контроля над моей жизнью. Да, я понимаю, что для любого родителя это огромный стресс. Но именно сейчас им нужно научиться доверять мне и позволить следовать за собственной мечтой так, как когда-то они следовали за своей.

И нет, моя мечта – это не хоккей.

Да, меня привлекает стать занудным ботаником, носить очки и вязаную кофту. Да, привлекает мысль провести свою жизнь в одиночестве и завести тридцать кошек. Да, я хочу понять, как работают мозг и тело, что происходит с нами, когда мы ликуем, плачем, боимся или влюбляемся.

Нет, я не перестала их любить.

Папе пришлось похоронить мечту о женском хоккее, но он каждый раз с надеждой спрашивал меня, не передумала ли я, когда мы смотрели матчи женской лиги по кабельному. Я пожимала плечами и говорила, что не передумала и предпочитаю работать мозгами, а не бить клюшкой по шайбе.

Это была одна из любимых наших тем для бесконечных дискуссий с Робертом. Он вставал на защиту хоккея, я приводила контраргументы.

Брат доказывал мне, что хоккей – интеллектуальная и стратегическая игра.

Ага, примерно такая же по сложности, как го.

Все игроки на поле – шахматные фигуры.

Похуже на правду. Ты ходишь как конь и ведешь себя так же.

Игровые решения принимаются за считанные секунды.

Все же стратегией и не пахнет.

Нужно как можно быстрее добраться до ворот соперника.

Было упоминание об интеллекте. Где он?

Перехитрить соперника и создать опасный момент.

Ах, вот здесь. Ну наконец-то.

Игровое мышление или чувство игры – очень важно в хоккее.

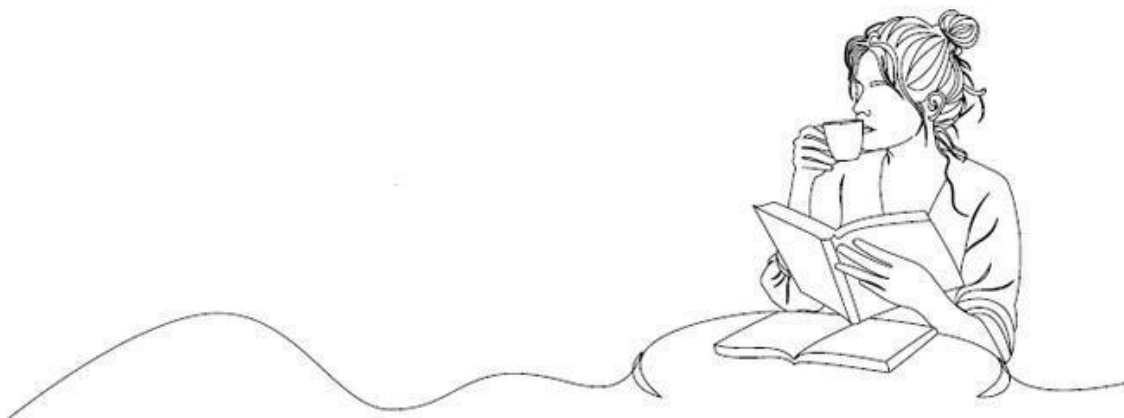
Извините, даже в прятки без них не обойтись.

Далеко не все хоккеисты им обладают.

Полностью согласна.

Обычно папа в разгар нашей перепалки ободряюще похлопывал Роберта по плечу, а я закатывала глаза. Какой смысл продолжать с ними спорить? Откровенно говоря, Роберт на самом деле был хорош на льду. Я прекрасно это знала, как и то, что с игровым мышлением и с умственным развитием у него все было в порядке. Но ведь это не повод не злить его, верно?

Глава 2

– Как мило, что ты принес коктейли и чипсы! – Я заглянула в пакет.

– Там есть кое-что для тебя, – подмигнул Андрей и принялся озираться по сторонам. – Куда бросить вещи?

Я показала на шкаф, уже забитый сумками и обувью, и запустила руку в пакет, пытаюсь нащупать на дне «кое-что для меня».

– Киндер-сюрприз? – Я вопросительно посмотрела на Андрея. – Серьезно?

Он швырнул свой рюкзак на полку с мелочью и ключами и направился в гостиную.

Здорово, когда люди любят порядок.

– Чем еще порадовать младшую сестру друга? – бросил он.

– Мне же не пять, – крикнула я ему в спину, но Андрей уже похлопывал по плечу Роберта и ему было не до меня.

Я покачала головой и отправилась на кухню, чтобы поставить бутылки в холодильник, но в коридоре поймала отражение в зеркале. Обычно бледная кожа покраснела, на щеках розовые пятна, голубые глаза блестят, искусанные губы припухли. Вот черт, невооруженным глазом видно, что внутри меня все стонет от нетерпения. Я вздохнула и пригладила растрепавшиеся волосы. От природы они светлые, тонкие и, кажется, при любой возможности накапливают статическое электричество, чтобы потом торчать во все стороны и липнуть к одежде. Днем я накрутила их стайлером, надеясь удержать в более-менее приличном виде, наредила ресницы черной тушью в два слоя и полчаса приводила в порядок брови. Я была готова ко всему.

На кухонном столе сидела Мира, опершись спиной о стену и болтая ногами. В руках она держала бокал, из которого торчали три разноцветные трубочки. Быстро скользнув взглядом дальше, я заметила возле окна незнакомую девушку, ругаться при ней мне не хотелось, поэтому я просто послала Мире злобный взгляд.

– Что с настроением? – весело спросила она и добавила: – Да не хмурься ты, останутся морщины.

– Я тебе говорила, что меня раздражает, когда ты сидишь на моем кухонном столе? – Я зашуршала упаковками, доставая их из пакета. – А, да. Всего десять раз.

– Ариш, приготовь коктейль для нашей гостеприимной хозяйки, – елейным голосом произнесла Мира. Девушка у окна кивнула и принялась наливать из всех бутылок, которые попадались ей под руку.

Я раздраженно посмотрела на Миру и шепотом спросила:

– Это что еще за скво¹? Откуда взялась?

Мира прыснула, и мы вдвоем уставились на две черные длинные косы, обрамляющие лицо, как у индейской девушки.

– Ты знаешь, Ариш, – уже громко сказала Мира, указывая на меня, – думаю, что мадемуазель Мишель будет маловато одной порции. Плесни ей две.

Девушка пожала плечами и протянула бокал.

– Арина. Приятно познакомиться. Я здесь с Никитой, – ровным негромким голосом произнесла она.

– Спасибо. – Я взяла стакан из ее рук и недоверчиво заглянула в него. – Ну а я Мишель. Полагаю, ты и так это поняла. – Я взглянула на свою подружку, которая втягивала коктейль сразу из всех трубочек. – Чувствуй себя как до... – продолжила я, но, увидев, что Арина уже смешивает новую порцию, осеклась. Я насыпала чипсы в большие салатные миски.

– Спорим, что твое настроение сразу изменится, когда кое-кто придет на вечеринку? – сказала Мира и хитро улыбнулась.

– Не надо, – вздохнула я и села рядом с ней. – У меня и без тебя пульс триста ударов в минуту.

Она фыркнула и приложила три пальца к моему запястью.

– Не триста, но лучше бы Тимур объявиться в ближайшее время, не то мы тебя потеряем.

Я только вздохнула:

– Да уж.

– Угораздило же тебя в него влюбиться, – протянула Мира и поковыряла ложкой в чашке с мороженым, которая стояла рядом.

Я с испугом взглянула на Арину. Слышала ли?

– У Роберта друзей полно, выбрала бы любого другого. – Мира убрала волосы за уши. – Как насчет Андрея?

– Андрей странный.

– Это еще почему? – вскинулась Мира, девушка с косами удивленно посмотрела на меня.

– Он принес мне шоколадные яйца.

Секунду все переваривали мои слова, а потом...

Мира всегда хохотала так, будто это последняя шутка на земле. Перед ее заразительным смехом невозможно устоять, даже Арина улыбнулась.

– Дай их мне. – Мира протянула руку, ее плечи подрагивали. – Я хочу их съесть.

– Звучит как-то не очень. – Я выудила три штуки из пакета.

– Плевать, как это звучит, но это то, что мне сейчас нужно. – Мира нетерпеливо разорвала упаковку, смяла шоколад и открыла пластиковую капсулу. – У меня Барби.

Мы с Ариной переглянулись и безмолвно скрепили договор дружбы. Я была рада союзнице, одной против Миры не выстоять.

Шоколад и в самом деле оказался отличным дополнением. Во рту приятно смешивались приторно-сладкий и горький вкусы.

– Что за история с Тимуром? – Арина под села на соседний стул, в руках у нее был стакан с жидкостью, похожей на нашу. Как всегда, при звуке его имени мои щеки вспыхнули.

– История длиною в целую вечность, – лениво произнесла Мира. Ее речь в самом деле была странной, она и сама это заметила. – Черт, что ты туда намешала, скво?

– Мой фирменный рецепт, – ухмыльнулась девушка, – развязывает языки.

Мира хмыкнула.

– Ты ошиблась лекарством, – сказала я. – Ей нужен коктейль с обратным эффектом. Она много болтает. – Я послала подруге предупредительный взгляд.

¹ Скво – индейская девушка.

Но на нее намеки не действовали, поэтому она продолжила как ни в чем не бывало:

– Она влюблена в Тимура лет с десяти, так ведь, Миш? – И вопросительно посмотрела на меня. Брови Арины взмыли вверх, а я почувствовала, как горит моя шея.

Можно я воткну ей вилку в бедро?

– М-м-м, – промычала я и, чтобы скрыть очевидное смущение, с энтузиазмом принялась за напиток.

– Роберт и Тимур старые друзья. Еще есть Макс, но он для нашей любовной истории не нужен, – начала Мира гнусавым, как у училки французского, голосом. – Они познакомились в хоккейной секции, когда были детьми. Теперь они выросли и стали такими горячими, – она оттянула воротник футболки, будто ей стало жарко, – хоть на обложку Playboy.

– На обложках Playboy – женщины, – поправила я Миру.

– Ладно, – согласилась она, – пусть будет обложка Playgirl. Есть такой журнал?

Мы с Ариной пожали плечами.

– В общем, не важно, – отмахнулась Мира. – Общий смысл понятен: парни – огонь. Тимур – объект Мишиных мечтаний.

Арина посмотрела на нас, в ее темных глазах светилось любопытство, но голос был мягкий и тихий.

– Я никого здесь не знаю, даже Роберта. Мы с Никитой не встречаемся. – Она посмотрела на нас. – Так, присматриваемся друг к другу. Но с вами очень весело, я не жалею, что пришла.

– То ли еще будет... – В голосе Миры зазвенело обещание. – Тимур должен прийти сегодня, так что нам нужно достать нашатырь и держать руку на кнопке SOS.

Они рассмеялись и стали обсуждать превратности неразделенной любви, но, слава богу, их голоса потонули в кричалке, доносившейся из соседней комнаты: «Знаменитый Микки Рурк стал болеть за „Металлург“, а король хоккея Гретцки хочет жить в Новокузнецке!» Понятно, сейчас начнется противостояние. И точно, через секунду послышалось: «„Барс Казань“ – великий клуб, это знают все вокруг! От Москвы и до морей нет в хоккее нас сильнее!»

Арина прыснула, Мира закатила глаза. А я в сотый раз пригладила волосы и посмотрела на часы, одновременно проклиная себя за стучащее сердце и натянутые нервы. Нельзя, чтобы он заметил, как сильно я жду этой встречи.

– Я говорила ей, что Тимур добрый и просто не хочет сделать ей больно, – услышала я в перерыве между кричалками.

– Вы все еще меня обсуждаете?

– Прости, – Арина смущенно улыбнулась, – некрасиво с нашей стороны.

– Ладно. – Я махнула рукой. – Она, – указала на Миру, – все равно не успокоится.

– Можно подумать, это тайна и никто не знает, что ты восемь лет по нему сохнешь.

Я поморщилась.

– Вообще-то, – Мира вытащила трубочки, бросила их в раковину и, естественно, промахнулась, – целый год прошел, ты не думаешь, что у него кто-то появился?

Две вилки. Я воткну ей в ногу две вилки.

– Миш, ну нельзя принимать каждый заботливый жест за чувства. И тем более влюбляться из-за этого.

Я послала Мира взгляд, полный обиды, но она только отмахнулась. На что я рассчитывала: что она будет осторожно выбирать слова или, еще более невероятный вариант, ей хватит ума промолчать? Она всегда была такой – болтает что думает. И ее взгляды на мои чувства мне давно известны. Ничего нового.

– Если ты сегодня такая откровенная, то тут важно уточнить одну деталь, – огрызнулась я. – Все это было в прошлом. Я не видела его целый год. – Я сделала паузу. – Он мог измениться. Может, сейчас его увижу и пойму, что это на самом деле была просто детская влюбленность. И все.

– Хотелось бы, – сказала Мира, – смотреть на бесконечно тоскующую подругу очень депрессивно.

А чего хотелось бы мне? Сегодня я спрашивала себя тысячу раз, чего ждала от этой встречи, но ответа не находила. Тимур возился со мной, сколько я себя помнила. Первое время я даже думала, что он тоже мой брат, и бегала за ним хвостиком. Когда ребят взяли в «Викингов», родителям удалось пристроить меня в эту же школу в экспериментальную группу для девочек, и мы стали много времени проводить вчетвером: Макс, Роберт, Тимур и я. Из всех троих, игнорируя даже собственного брата, я липла к Тимуру при каждой удобной возможности. Мира говорит, у него комплекс героя и ему нужно опекать младенцев, спасать котят и переводить бабушек через дорогу, поэтому он был так рад распахнуть мне свои объятия. Мне же хочется верить, что он был рядом не поэтому. Он вел себя как рыцарь, защищал меня от нападков Макса и шуток Роберта, развлекал смешными историями, читал, играл и таскал мой баул. Ну и как мне было не влюбиться, когда в двенадцать лет он уже выглядел как предел моих мечтаний? Идеально взлохмаченные светлые волосы, зеленые глаза, желтые брызги веснушек на носу и щеках и искренняя дружелюбная улыбка.

Я думала, что чувства притупились за последний год, который мы не виделись. Казалось, катастрофа, унесшая жизни родителей, изменила во мне все привычки и привязанности. Но стоило Роберту упомянуть о возвращении Тимура, надежде понадобилось одно мгновение, чтобы воспрянуть духом.

– А мой кумир – Макс, – продолжала Мира.

– Да ладно? – Я рассмеялась. – Ты на километр к нему не подойдешь, сама же говорила, что боишься.

– Почему? – поинтересовалась Арина. – Он такой страшный?

– Нет. – Мира уставилась в потолок и поджала губы, вызывая его образ в памяти. – Он софо... фосо... он... Скво, ну что такое?

Ее задорный смех разлился по кухне, сопротивляться ему было невозможно и бессмысленно, поэтому мы подхватили и тоже расхохотались.

– Что ты хотела сказать? – Теперь уже я болтала ногами. – Что вы идеально друг другу подходите? Оба бессердечные и толстокожие?

– Он сфокусированный, – наконец выговорила она. – И мне по душе его типаж. – Она помедлила. – Мрачный Ромео. Прекрасный и опасный.

– Я бы хотела на него посмотреть. – Арина собрала наши пустые стаканы и отошла к окну, чтобы смешать нам новые порции. За дверью грохотала музыка, слышались возгласы и взрывы смеха. В гостиной шла своя вечеринка, а у нас на кухне – своя. И раз к нам пока никто не сунулся, значит, веселье развивается по правильной спирали.

– Посмотришь, – уверенно пообещала Мира, – но не более того. Он и словом с тобой не перекинется. Подружек Миши он не жалует, как, впрочем, и ее саму.

Арина раздала нам снова наполненные стаканы, а я вспомнила, что хотела сказать.

– Прошу прощения, но должна влезть со своим занудством. – Я хищно улыбнулась. – Макс был таким распрекрасным год назад. Это большой срок, девочки. За двенадцать месяцев зебра выносит свое потомство, а мышь восемнадцать раз родит. Поверьте: Макс изменился до неузнаваемости. Растолстел, полысел, зарос бородавками и превратился в слабохарактерного дурня.

Девчонки рассмеялись.

– Предлагаю тост за добрых принцев! – закричала я, почувствовав головокружительную эйфорию от смеха.

– Нет, – простонала Мира, – только не это.

– Да, – отрезала я, расхрабрившись, – а жалкий Ромео пусть катится ко всем чертям.

Мы стукнули бокалы друг о друга и рассмеялись.

– Роберт, когда ты просил меня присмотреть за твоей сестрой, ты не говорил, что у нее есть... определенного рода сложности, – раздался ледяной голос Макса. – Это в корне меняет дело.

Что?

В дверном проеме стояли Макс, Роберт и Тимур.

Я моргаю. Потом еще раз.

– О нет, – скулит Мира. – И давно они здесь стоят?

– Вы тоже их видите? – слышу я Аринин голос и в нем улавливаю восхищение.

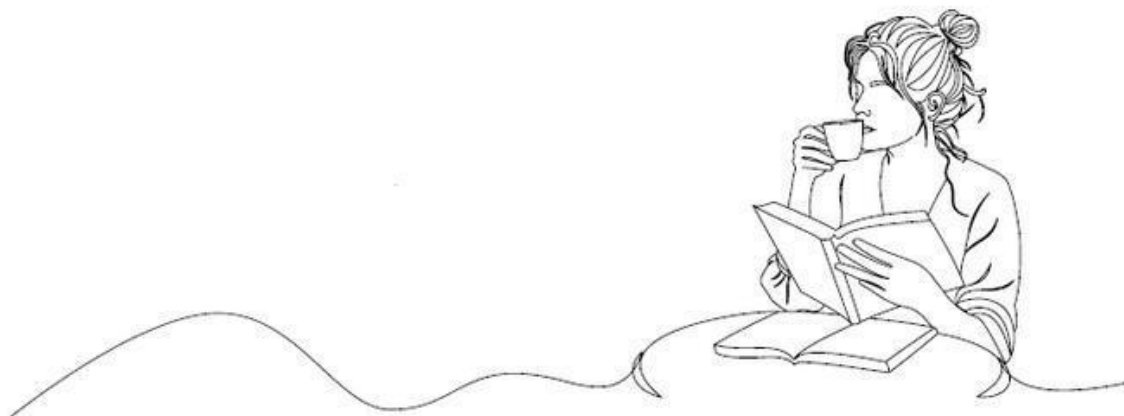
Я вижу только Тимура, и никого больше. Молчу, потому что слова излишни. Его зеленые глаза смеются, когда встречаются с моими. И это, пожалуй, единственное, что осталось неизменным. Его удивительные глаза цвета мокрой хвои я не спутаю ни с чем. Мои губы растягиваются в непроизвольной улыбке, и я буквально чувствую, как каждый нейрон в моем мозгу кричит и стонет. Мой ответственный любимый гипоталамус синтезирует окситоцин со скоростью света, а задняя доля гипофиза бесперебойно качает его мне в кровь. Еще секунда, и я состою на восемьдесят процентов не из воды, а из гормона любви и доверия.

Я таю, захлебываюсь нежностью, меняю кожу на бархат. Пять минут назад я думала, что увижу его – и моя детская влюбленность пройдет.

Я отличный мастер прогнозов.

Моя детская влюбленность прошла в ту секунду, когда я утонула в его зеленых глазах и нырнула в глубокий вязкий омут пронзительного чувства под названием «любовь».

Глава 3

– Миша, что здесь происходит? – Роберт сделал шаг в нашу сторону. – Веселитесь, я смотрю, – и он посмотрел на мой стакан раздраженным взглядом.

Он недоволен. Очень. Недоволен.

– Ох ты, Капитан Очевидность, – закатила глаза Мира. – Что мы делаем такого запрещенного? Мы совершеннолетние, – дерзко заявила она, но, понизив голос, спросила у Арины: – Тебе же есть восемнадцать? А то этот поборник нравственности изведет нас, если что-то не в рамках закона.

Арина быстро кивнула, с благоговением и ужасом взирая на Роберта.

– Я спрашивал не тебя, – ответил он грубо, обращаясь к Мире. – Я и без этого знаю, что с тобой бесполезно разговаривать.

– Роберт, – я наконец заставила свой язык шевелиться, – ты с ума сошел? Мы не делаем ничего плохого. Просто болтаем. Выпили по коктейлю.

– Ты прекрасно знаешь, что с некоторых пор я тебе не доверяю, – прошипел он.

Похоже, тот единственный раз, когда я попала в небольшой переплет, Роберт будет вспоминать мне всю жизнь. Два года назад, умирая со скуки, Мира предложила отметить зороастрийский праздник – день летнего солнцестояния. В программу входило разжигание костров и купание. Я не знаю, какое отношение Мира имела к зороастрийцам, но сопротивляться ей бесполезно, поэтому мы отправились к берегу Пахры, вооружившись гитарой, картой звездного неба и лентами, чтобы вплетать в венки. По пути домой я потеряла сумку с телефоном и уснула в вагоне метро. Очнувшись уже на конечной, слава богу, живая и здоровая. Домой добралась под утро и получила от родителей такой нагоняй, что до сих пор страшно вспоминать.

Отношения Миры и Роберта остаются для меня загадкой. Они необъяснимо терпеть друг друга не могут, хотя знакомы несколько миллионов лет – ровно столько, сколько мы с ней дружим.

Мира перевелась к нам в пятый класс из Воронежа. До нее у меня не получалось дружить с девочками. Я не могла поддержать разговоры про Барби и единорогов, а мое мнение про последний матч ЦСКА – «Спартак» никого не интересовало.

Она быстро смекнула, что может открыть мне новый чудный мир и увлечь своими идеями. А они рождались у нее в голове каждую секунду. Взять, к примеру, наши уроки по макияжу красками для рисования, от которых у меня началась аллергия, спасение бездомных кошек из подвалов, где меня укусила крыса, попытку попасть в сериал, когда мы топтались под

дождем возле «Мосфильма», где я подхватила простуду, тайную поездку на автобусе в Рязань или изучение астрономии ночью на крыше многоэтажного дома.

Ну и все мы помним, кто привел меня на кружок по анатомии человека, из-за которого я бросила хоккей.

Мира все время искала новых ощущений, и чем старше она становилась, тем экстремальней были ее идеи. Мальчишки влюблялись, очарованные ее харизмой, а девчонки боялись ее колких замечаний. Впрочем, ей ни до кого не было дела, она дружила только со мной.

Роберт был единственным, кто не выносил ее на дух, и Мира отвечала ему взаимностью. Их общение неизменно сводилось к словесным перепалкам, а я испытывала чувство вины за то, что не могу погасить их тлеющую вражду.

– Как же ты планируешь оставить Мишу, если не доверяешь ей? – Мира скрестила руки на груди и вызывающе посмотрела на Роберта.

Очень плохая идея.

– Наши с сестрой дела тебя не касаются, – выдавил Роберт. – Я знаю, что это ты организатор всех проблем, поэтому, когда крутишься рядом, о доверии не может быть и речи.

Она поджала губы, нахохлилась и всем видом дала понять, что отказывается воспринимать слова Роберта.

– Видишь, Макс, с чем приходится иметь дело. Тебе нужно держать Мишу подальше от этого генератора тупых идей. – И он кивнул в сторону моей подруги.

Я ждала, что Мира взорвется, но она только переводила изумленный взгляд с Роберта на Макса. Тимур чуть нахмурился: он не любил, когда плохо говорили о девушках. Ах, Тимур... окситоцин все еще носился по моей крови и расправлял мои мозги, и я легко игнорировала слова брата. Наверное, я еще полвечера разглядывала бы Тимура, блаженно улыбаясь, если бы Мира не гаркнула:

– Миш, приди в себя.

– Что? – Я нахмурилась.

– Сосредоточься, – прошипела она, – и послушай.

– Во сколько она должна сообщать, что пришла домой? – Голос Макса был отстраненным и холодным – ничего необычного.

Роберт почесал голову.

– Думаю, в десять. Позже ходить по улицам небезопасно.

О ком они говорят?

– А подруга? – Макс указал на Миру.

– Если тебе не нужна головная боль, ограничь их общение, – сказал Роберт и открыл холодильник. – Хочешь есть?

Макс отрицательно покачал головой и уставился на меня немигающим взглядом. А он несильно изменился за последний год: такое же скучающее выражение лица, презрительно поджатые губы и неизменное равнодушие.

Я поежилась: Макс всегда приводил меня в странное состояние, хотелось бежать со всех ног подальше. Я пожала плечами и отвернулась, он меня не интересовал, меня влекло к Тимуру.

Неожиданно я уловила предупреждение, оно стучало в голове негромко, но настойчиво. Я насторожилась, пытаюсь понять причину беспокойства, посмотрела на Миру, она вопросительно подняла брови и кивнула на Макса. Я нахмурилась и снова взглянула на него – он продолжал стоять, уставившись на меня, теперь в его взгляде появился вызов.

И тут до меня дошло.

– Что? – прошептала я. – Что ты сказал, когда вошел?

– Я сказал, если у тебя... хм... некоторые сложности, – он кивнул в сторону подоконника, уставленного бутылками, – то это совсем другая история.

– История с чем? – прошипела я, чувствуя всем телом напряжение в воздухе.

– Миш, – встрял Роберт, – мы пришли сюда с ребятами, чтобы обсудить нюансы и договориться о правилах. Макс присмотрит за тобой, пока я буду в отъезде.

Вы знаете, что такое эмоциональное онемение?

Это состояние, в котором уменьшается способность реагировать на внешний мир и отключается эмоциональная чувствительность. В этот момент человек ощущает внутреннюю пустоту и ставит переживания на «стоп». Боль, гнев, страх накапливаются, и со временем организм начинает заглушать все, что приносит страдания.

Мой организм работает исправно, он мгновенно реагирует, когда ему хорошо, и бросается защищать, когда ему плохо. Я хлопала глазами, смотрела на Роберта и ничего не говорила, мне не хотелось впускать его слова в сознание, чтобы не отвечать на них. Да и что тут ответить, когда все стало ясно? Мой брат думает, что я вообще не могу о себе позаботиться, раз просит своего друга опекать меня, словно я трехлетний ребенок, контролировать и решать, с кем мне дружить, а с кем нет. С точки зрения закона – я взрослая, имею право голосовать и водить автомобиль. С точки зрения брата – я безмозглое существо, не способное принимать решения, и управлять моей жизнью он поручает самому отвратительному на всем белом свете, жесткому, заикленному на себе придурку.

– Нет. – Мой голос был оглушительно пустым. – Обойдусь без няньки.

– Ребята, я попрошу вас выйти ненадолго. – Макс указал на дверь. – Похоже, у нас намечается драма, а нам надо бы расставить все точки над i.

Арина встала и направилась к выходу, как по команде за ней последовала Мира, неловко спрыгнув со стола. Я попробовала схватить ее за руку, но она отрицательно покачала головой.

Что? Даже Мира готова ему подчиниться? Плохо дело.

Тимур закрыл дверь и сел на освободившийся стул.

– Тим, оставь нас, – приказал ему Макс.

– Ну уж нет, – его глубокий и бархатный голос окутал меня словно одеялом, – я не оставляю Мишу вам на растерзание. Давайте попробуем объяснить ей все без угроз и давления.

Я говорила, что Тимур – лучший парень на свете?

Он протянул руку и сжал мои пальцы. У него горячая ладонь, твердая и мозолистая. От этого короткого прикосновения у меня внутри словно переключили тумблер, и от бездействия организм за миллисекунды перешел в наступление, отчего пульс подскочил теперь уже точно до трехсот. Нужно было что-то делать.

Я быстро перебирала варианты: устраивать скандал было нельзя, Тимур не одобрит, да и выглядеть истеричкой не хотелось. Надо попробовать убедить Роберта. Шансов мало, потому что он упрям как осел, но стоит попытаться найти аргументы и надавить на нужные кнопки. Вот ведь гад, ни словом не обмолвился сегодня утром! Я вздохнула и вступила в переговоры:

– Роберт, давай не будем торопиться с промоушеном некоторых личностей, а сначала все спокойно обсудим. – Я соскочила со стола и выпрямилась. – Без свидетелей.

– Миш, обсуждать нечего. Я все решил, – сказал Роберт жуя. Он нашел пачку печенья и отправил в рот сразу половину.

Макс ухмыльнулся, а Тимур сочувственно посмотрел на меня. Я облизнула губы.

– Ты ведь помнишь, что не являешься моим опекуном? – Мой голос был вкрадчивым и спокойным. – И что я совершеннолетняя?

– Ага, – кивнул Роберт, – но дела это не меняет. Макс присмотрит и проконтролирует, чтобы у тебя все было хорошо.

– А что у меня может быть плохо? – продолжала допытываться я.

Он отправил в рот вторую половину пачки и пожал плечами.

– Все что угодно. Я не хочу, чтобы ты болталась неизвестно где и непонятно с кем, а тем более вляпалась в историю.

– Ясно, – сказала я, – если обещаю, что буду паинькой и в девять буду лежать в кровати – это сможет повлиять на твое решение?

– Не-а. – Его глаза, такие же голубые, как мои, смеялись. Только вот мои мне нравились, а его глаза я ненавидела в эту секунду.

Придурок.

– Может быть, у меня есть право выбрать себе охранника? – Я с трудом сохраняла спокойствие, понимая, как Роберт сейчас развлекается. – Тимура, например?

Тот растерянно моргнул, и на его лице отразилось замешательство:

– Я бы рад помочь, Миш, ты же знаешь. Но уезжаю в Питер через неделю. У меня контракт с «Невой». Я хотел рассказать тебе не при таких обстоятельствах... – Он развел руками, и весь вид его выражал сожаление.

Черт. Мой гениально разработанный план с треском провалился, и, по-моему, я не смогла скрыть разочарование. Я знала: если Роберт попросил Макса присматривать за мной, то спорить с ним бесполезно. Его чрезмерная опека и страхи после смерти родителей душили. Он возмнил, что мне каждую секунду угрожает опасность, а во главе всех ужасов, которые со мной непременно случатся, стоит Мира. Поэтому вместо пустого спора мне в голову пришло единственное верное решение – выбрать Тимура.

Я заметила, как Роберт с Максом переглянулись и их плечи немного расслабились.

– Мы договорились? – спросил Роберт.

– Нет, – зло бросила я. – И не договоримся.

Разочарование от того, что Тимур, появившийся на секунду в моей жизни, снова уезжает, накрыло с головой. Стало ужасно себя жаль. Все, кого я люблю, покидают меня. Родителей нет, Роберт едет в Германию, Тимур – в Питер. А я остаюсь в Москве с единственным человеком на свете, который терпеть меня не может. С человеком, не способным подарить и капли тепла. Я знаю, как это будет, видела много раз, как он тренируется словно бездушная машина. Точно будет ходить по пятам и изводить меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.